

ском категории среднего рода утрачена). Другим таким существительным среднего рода основ на *-j-, по мнению С.Б. Бернштейна (*Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, 254–255*), могло быть праслав. слово *dohъ. О деталях см.: *Ostrowski B. Prasłowiańska deklinacja *-j-tematowa w świetle danych innych języków indoeuropejskich // Studia etymologiczna Brunensis 1. Brno, 2000, 96–98.*

³ Соответствующий славянский материал см.: ЭССЯ 5, 121 (с.в. *drobъ) и *Słownik prasłowiański IV*, 248: *drobъ* (с.в. *drobъ* 2: *drebъ*; *droba* f.: *drobъ*).

⁴ В отдельных языках (а иногда даже в пределах одного и того же диалекта) функционируют параллельно (или же функционировали некогда, пока не победила одна из них) формы как мужского, так и женского рода одного и того же слова. Это свидетельствует о борьбе между двумя данными тенденциями.

Перевел с польского А.А. Калашников

А.К. Шапошников

ТРИ АРЕАЛА АРИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Этой работой автор надеется открыть серию публикаций о различных группах языковых реликтов из Северного Причерноморья. Репертуар языковых реликтов этого ареала необычайно богат. Здесь отмечены древние географические, родоплеменные и собственные имена кельто-иллирийского, фракийского, прабалтийского, греческого, тохарского, армянского, германского и общеславянского происхождения.

Уже сейчас достаточно известны многочисленные языковые следы туранской (восточно-иранской) и арийской (индоарийской) принадлежности в Северном Причерноморье. Индоарийские языковые реликты выбраны лишь ввиду значительной разработанности и готовности к публикации данного языкового материала.

Северный Кавказ (Maeotis Sindica)

Ареал реликтовой индоарийской ономастики на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье был определен уже в XIX в.¹ В XX столетии эта тема разрабатывалась такими крупнейшими языковедами как П. Кретчмер² и О. Трубачев³.

Уже описанный прежде синдо-меотский ономастический материал, сам по себе способный служить неопровергнутым доказательством факта пребывания носителей индоарийских диалектов на Северо-западном Кавказе, в Прикубанье и Приазовье, изрядно дополняется примерами заимствованной апеллативной лексики индоарийского происхождения в северокавказских (абхазско-адыгских [черкесских] и восточно-кавказских) языках и в осетинских диалектах.

Проблема влияния индоарийского синдо-меотского языка на существующие ныне языки региона не получила еще всесторонней и глубокой разработки. Однако некоторые шаги в этом направлении уже проделаны.

Наиболее исследован вопрос индоарийского языкового субстрата в абхазско-адыгских (черкесских) языках. В работах Г.А. Климова и Б.Г. Джонуа⁴, А.К. Шагирова и О.П. Дзидзария⁵, А.К. Погодина⁶, Н. Трубецкого⁷, Ж. Дюмезиля⁸, Х.У. Бейли⁹ выявлен слой заимствованной индоарийской лексики в северо-западно-кавказских языках:

Абхазско-адыгские формы

аҷъэ, аҗэ, дза, дзъа, дзы, дзъы
‘козел, коза’
адзыс, адзышъ, ажэс, адзар,
адзъар, ажар собир. ‘козлята’
айхъа, айхъа ‘железо, топор’
ачъты, шы ‘лошадь’
арадзны, аразны, рызна,
тыжътыны, дыжъсан, дэсвэны
‘серебро’
бый ‘овца’
бысым, пишма, апишма
‘гостеприимец, хозяин’
бугъя ‘козел’
Зиранг (Старая Кубань)
йэбэ ‘ячмень’
йез ‘медь’
kłama, аката ‘рыболовная сеть’
кыт, акыт ‘селение’
моңцI ‘месяц’
мучдор ‘борода’
нысэ ‘невестка, сноха’
апса, апишъа ‘цена, стоимость’
свэ, шъэ, шв ‘сто’
санэ ‘вино’
тәп ‘уголь, жар’
уасэ, ауаса ‘овца’

үәшиш, үәшины, гвашиб, (ай)гвышиб,
гъэсвэ ‘топор-колун’
уыды, уыд, ‘ведьма колдунья,
колдун’
хъяллы ‘клин’
ца ‘зуб’
шъэджашъ(э) < шъэгъашъ(э)
‘огромный, громадный’

Индоарийские формы

āja-, ajā ‘козел, коза’
ājra- ‘пастибище, выгон’
āyah ‘руда, железо, топор’
ācva- ‘конь, лошадь’
ājuna- ‘светлый, белый’

āvi- ‘баран, овен’
raçimat ‘богатый скотом’

buka-, buga- ‘козел, коза’
jaran̄a-, jaran̄-ga ‘старый’
yána- ‘ячмень’
áyas ‘руда, медь, бронза, железо’
káta- ‘циновка, рогожка’
kota-, kuta- ‘укрепление’
mās ‘месяц, луна’
çtāçru-, çtaçar ‘усы, борода’
snuşa- ‘сноха, невестка’
raçi- ‘мелкий скот’
çatá-, çat- ‘сто’
çaña- ‘конопляный’
tara- ‘жгучий, горячий, жар’
vasná- ‘покупная цена (в овцах),
стоимость’
vāçi- ‘нож, кинжал, топор, секира’

vidyā, vīdyā ‘чародейство,
колдовство’
kīla- ‘колошек, клин’
dát ‘зуб’
sāhasa- ‘сильный’, sājasa-
‘огромный, большой’

Замечены также случаи осознанного калькирования реликтовой индоарийской ономастики адыгскими и тюркскими формами: адыг. *Tua-psы* ‘Две реки’ калькирует индоар. **do-ab-* ‘две реки’. адыг. *Псыж* ‘старая (река)’ калькирует индоар. **jaraŋ-ga-* ‘старая река’. татар. *Кирпили* (*Кюпрюли) ‘Мостовая’ калькирует индоар. **sitaka-* ‘мостовой, имеющий плотины’.

Обращаясь к проблеме арийско-восточно-северокавказских языковых контактов, отметим очевидную предварительность и слабую убедительность существующих разработок¹⁰. Работа над этой интересной проблемой еще далека от желаемой завершенности.

При изложении восточно-северокавказского языкового материала мы вынуждены пользоваться системой правосточно-северокавказской реконструкции С.Л. Николаева и С.А. Старостина, не имеющей пока независимой верификации и статуса общепринятой.

В ряде работ С.А. Старостина и С.Л. Николаева¹¹ отмечаются случаи заимствований из некоего древнего индоиранского языка (индоевропейского диалекта?) в восточно-кавказском прайзыке. Некоторые из них представляются нам весьма вероятными индоарийскими языковыми проникновениями:

Правосточнокавказские формы

- **uaran-*, *uaral-* ‘верблюд’
- *velθi (?) ‘войлок, бурка’
- *werse (**war-?*) ‘бычок, теленок, самец’
- *wViVrV ‘детеныш до года’
(правост.-кавк. вокализм не поддается убедительной реконструкции)
- *maidwV ‘вид напитка из патоки, патока’ (м.б., корни **maid-* и **med-* – разные?)

Индоарийские формы

- др.-инд. *vāraṇá-* ‘дикий; слон’
- др.-инд. *válça-* ‘отприск, побег, ветвь (волос)’
- др.-инд. *vṛṣa-* ‘самец, бык’
- др.-инд. *sa-vatara-* ‘имеющий того же теленка’
- др.-инд. *mádhu* ‘мед’, при авест. *taθdi* ‘вино из ягод’

В работе С.А. Старостина 1988 г.¹² эти изоглоссы трактуются как «более или менее поздние “индоевропеизмы” в северокавказских языках». Мы бы указали на их очевидное индоарийское фонетическое оформление. Похоже, этот языковой материал относится ко II тыс. до н.э.

В аварском, даргинском, лакском, табасаранском, агульском, арчинском, годобском, ботлихском, бацбийском, чеченском, ингушском языках также отмечены некоторые лексические проникновения из индоарийских языков в работах П.К. Услара, А.К. Погодина¹³ и А.К. Шагирова¹⁴:

Сев.-вост.-кавк. языки:

арси, арс, арцу, арс, glaraç, дети
 ‘серебро’
ачла ‘лошадь’
гъанса ‘горная индейка’
цуку; цоко ‘коза; козлиная кожа’
рос ‘муж, мужчина’
нус, нусдур ‘невестка, сноха’
цӏицӏука ‘свинья’

Индоарийские языки:

árjuna- ‘светлый, белый’
áçva- ‘коњ, лошадь’
hañsá- ‘гусь, лебедь’
chāga-, chagā ‘козел, коза’
ṛṣa-bha- ‘бык, самец’
snusa- ‘сноха, невестка’
saukara-, sūkara- ‘относящийся
к вепрю, вепрь’

Примечательно также название лезгинского обряда вызывания дождя *пешапай*, которое возводится к индоар. *viç-* ‘брьзгать, кропить’ и *ара-*, *rāya-* ‘вода’¹⁵.

Давно известны многочисленные индоарийские лексические инфильтраты в осетинском языке. Представим далеко неполную подборку подобных лексических проникновений индоарики в осетинских диалектах:

осет. *æxsæv-* ‘ночь’ сопоставимо с др.-инд. *kṣap-* ‘ночь’; слово подверглось фонетической адаптации;

осет. имя бога домашнего скота *Æfsati* в словосочетании *æfsatij fos* ‘скот Афсати’ справедливо сопоставляют с др.-инд. теонимом *raçi-páti* ‘владыка домашнего мелкого рогатого скота’; имя также подверглось фонетической адаптации;

осет. корнесправедливо сопоставимо с др.-инд. *bhālam* ‘блеск’;

осет. *marj* ‘птица’ (скиф. **marga-*, *Marga-stana*) сопоставимо с др.-инд. *mrgá-* ‘дичь, животное, птица’, ‘мифическая птица Семург’; осет. *mært* ‘мера сыпучих тел’ сопоставимо с др.-инд. *mātram* ‘мера, количество, размер, величина, метрическая единица’ (ср. др.-греч. μέτρον);

осет. *mil, mel* ‘сажа, черное пятно’ сопоставимо с цыганск. самоназванием *millele* ‘черные, черномазые’ в первую голову, а уж затем с др.-инд. *mála-* ‘грязь’, *malin* ‘грязный, темный, черный’;

осет. имя бога праздника всего рода Наф *Naf* сопоставимо с др.-инд. *nárat-* ‘потомок’;

осет. собирательное наименование героического рода (племени) нартов *Nartæ* восходит не к монгольскому прототипу, как привыкли думать многие, а к др.-инд. *nar-* ‘человек, муж, мужчина, герой’;

осет. *naræg* ‘тонкий, узкий, тесный, теснина; ущелье’ сопоставимо с др.-инд. *nāraka-* ‘яма, пропасть, преисподня, ад, подземное царство’;

осет. сакральный термин *puvond* ‘приношение’ отражает индоар. форму *ni-bandha*, родственную композиту *raçi-bandha* ‘жертвоприношение скота’;

- осет. название сосуда (большой чаши) *qalac* сопоставимо с др.-инд. *kaláča*, *kalaṣa* ‘вид сосуда – горшок, кувшин, кружка’ или *kalači* ‘маслобойка’;
- осет. прилагательное *gætən* ‘сдержанный, спокойный’ сопоставимо с др.-инд. *ratana-* ‘радующий’, авест. *raman-* ‘мир, покой’;
- осет. *osæ*, *us* ‘жена, женщина, баба’ продолжает прототип др.-инд. *yosā*, *yosan*, *yosana* ‘молодая женщина, жена, девушка, самка’;
- осет. *ræz*, *iræz* ‘летовище, летнее пастбище’ имеет тот же этимон, что и др.-инд. *vrajá-* ‘стоянка пастухов, загон для скота’ (ср. хазарский топоним Вараджан);
- осет. наименование культового напитка *rong* возводят, без достаточных, впрочем, на то оснований, к др.-инд. *prāṇá-* ‘дыхание, дух, энергия, сила’ (скорее к индоар. **prāṇá-ga-* ‘рождающий силу, энергию’, ср. др.-инд. *prāṇa-da* ‘дарующий жизнь’);
- осет. *sæγ*, *sæχæ* ‘коза’ восходит к индоар. *chāga* ‘коза’;
- осет. *sæn*, *sænæ* ‘вино’ неотделимо от др.-инд. *çāra* ‘конопляный’;
- осет. *sæftæg* ‘копыто’ представляет собой расширенную суффиксами *-ta-ka-* индоар. основу *çaphá-* ‘коготь, копыто животного’;
- осет. *særd*, *særdæ* ‘лето, летом, год’ гомогенно др.-инд. *çarad-* ‘осень, год’;
- осет. *selā* ‘круглый плоский камень в детской игре’ из др.-инд. *çila-* ‘камень, скала’, *çaila-* ‘каменный’; ср. значение аналогичного картвельского заимствования;
- осет. *siqæc*, *seqæc* ‘точильный камень’ сопоставим с др.-инд. *saikati* ‘щебень’, ср. *saikatá-* ‘береговой песок’;
- осет. прилаг. *stur*, *istur* ‘большой’ связано напрямую с др.-инд. *stura* ‘огромный, мощный’, *turá-* ‘сильный, крепкий’ или *sthūlá-* ‘прочный, сильный, могучий, толстый, дородный’;
- осет. имя летнего месяца *susæn*, *sosæn* ‘июль’ гомогенно др.-инд. *çosana* ‘засуха, сухость, осушение, сушь’; ср. аналогичное картвельское заимствование *Šauš-eti – историческая область *Caușetumi*;
- осет. термин *sik'it*, *siqit*, *syqyt* ‘вещество земли, земля’ сопоставим с др.-инд. *sikita-*, *sikata-*, *saikatá-* ‘щебень, щебенка, песок, береговой песок’; ср. др.-инд. топоним *Sikayavati* ‘щебенистая местность’, таврический реликтовый топоним *Sikita* (*Nikita*) и дакийский топоним *Sicidava*;
- осет. *tæn*, *tænæ* ‘тело, бок, нижняя часть живота’ неотделимы от др.-инд. *tanú* ‘тело, талия’;
- осет. название породы дерева *tærs*, *tærsæ* ‘*Fagus silvatica*, *Fagus orientalis*, чинар’ сопоставимо с др.-инд. *taṛṣa-*, *ṭṛṣā-* ‘жажда’ или *ṭṛṣú-* ‘твёрдый, шероховатый’;

осет. прилагательные *turæj turnæ* ‘быстрый, скорый’ сопоставимы с др.-инд. *turá-* ‘быстрый’; осет. *tæryñ* ‘молодой’ сопоставимо с др.-инд. *tárūṇa-* ‘молодой’; осет. *tærxon* ‘суждение, юр. определение’ ближе всего к др.-инд. *tarkana-* ‘суждение’; индоар. прототип сохранен письменностью таримских саков в форме *ttarkana*; осет. *tæx* ‘речная стремнина, бурный поток’ соответствует др.-инд. *tak-* ‘насильственно увлекать, торопить’, *táku-* ‘спешащий, торопящийся’; осет. *tæxsæg* ‘плотник’ ближе всего к др.-инд. *takṣaká-* ‘древосек, плотник’; осет. *tomar* ‘стрела, дротик, копье’ неотделимо от др.-инд. *tomara-* ‘дротик, метательное копье’; осет. прилаг. *tuxwast* ‘сильный’ содержит др.-инд. прич. наст. вр. *vaṣṭi* от глаг. корня *vaṣ-* ‘домогаться, хотеть, страстно желать, любить’ (?); осет. мифологическое имя *Wæjyg* сопоставимо с др.-инд. и авест. теонимом *Vāyú* ‘ветер, бог ветра’.

Вышеприведенный перечень слов индоарийского происхождения в осетинском языке является результатом поверхностного обозрения корпуса “Историко-этимологического словаря осетинского языка” Абаева (Абаев 1–4) и специальный работ¹⁶ по осетинскому фольклору и языку. Уверен, что этот список в дальнейшем будет значительно расширен и уточнен. Однако и представленного материала вполне достаточно, чтобы утверждать положение об ареальном контактировании праосетинского с индоарийским на Северном Кавказе и в Приазовье.

Сопредельное Закавказье

Однако реликтовая индоарика обнаружена не только на Северном Кавказе. Интереснейшим ареалом реликтовой индоарийской ономастики является Закавказье. Давно замечены некоторые топонимы региона с определенно др.-инд. параллелями:

имя города *Пицунда* сопоставимо с др.-инд. топонимом *Pithunda*; античный кавказский топоним *Коукю́нда* сопоставим с инд. именем города *Khukhundo*; имя реки *Кура* (др.-греч. Κύρος, лат. *Cyrus*) сопоставимо с др.-инд. именем *Kirii* ‘родоначальник племени *Kaurava*’ и др.-иран. царским именем *Kiriiš*, которое в свою очередь свидетельствует о близком знакомстве древних персов с индоарийской мифологической традицией;

имя одного из притоков Куры (др.-греч. Κάμβυζον, лат. *Cambuzus*, *Cambusus*) является ни чем иным, как др.-инд. *Kambhoja* (*Kambhu-jā* ‘рожденный из раковины’), ср. др.-иран. царское имя *Kamhuijya*;

имя реки *Aракс* (др.-греч. Αράξης, -ου или -εο) сопоставимо напрямую с др.-инд. *ārakṣa-* ‘охранение, пограничная охрана’ (река Аракс издавна считалась границей Ирана и Турции); *Aракс* напрасно возводят к авест. *Rangha* или бундахишн. *Arak*; перед нами очевидный результат адаптации индоарийской праформы;

имя гор *Coraxici montes* (*Mela*) сопоставимо с др.-инд. *Kuru-kṣe-(tra)* ‘владение Куру’;

имя исторической области Грузии *Триалети* (*Trial-eti*) можно реконструировать как индоар. **tri-ala* ‘триада, тройка или Триречье’ и сопоставить с др.-инд. *Pancala* ‘название народа, страны и государства’, соответствующим, возможно, *Pañca-nada* ‘Пятиречье, Пенджаб’;

имя исторической области Грузии *Туалети* (др.-греч. Δουάλοι, лат. *Duali*) в долинах Арагвы и Куры можно реконструировать как **dvala-* ‘Двуречье’; ср. др.-инд. *Doab* и сходные топонимы *Trial-eti*, *Pancala*, **Haftal*;

имя исторической области Грузии *Саушети* толкуется из индо-иран. **çausa-*, др.-инд. *çosa*, *çosana* ‘сухость, засуха, осушение’;

имя местности и порта в районе современного Новороссийска в античных локациях Ἐπτάλου λιμήν, Ἐπτάλοι λιμήν; Σπατάλοι λιμήν можно реконструировать как индо-иран. дублет **saptala*: **haftala* нечто вроде ‘Семерка; Семиречье’; возможно и тохарское посредство в передаче прототипа – ср. тох. *spat* ‘семь’;

имя крупнейшего города современной Колхиды (Грузия) *Кутаиси* можно возвести к др.-инд. форме *kuta-isya* ‘имеющий укрепления’.

Данные реликтовой ономастики ареала значительно пополнились обнаруженными лексическими заимствованиями из индоарийского праязыка и диалектов в картвельских языках¹⁷.

Отметим факт диалектной окраски одного и.-е. заимствования пракартвельского хронологического уровня (IV–III тыс. до н.э.!), которое имеет предполагаемый антецедент типа праиранского (с уже спирализированным консонантом): пракартв. **iγ* ‘ярмо’ < и.-е. диал. (праиран.) **jug-* ‘ярмо, иго’.

Среди индоевропеизмов грузинско-занского хронологического уровня (II тыс. до н.э.) количественно преобладают формы, имеющие явно выраженные индоарийские антецеденты. Представим список форм, признанных убедительными:

Грузинско-занские формы:

- **band-* ‘сплетать, связывать’
- **bandx-* ‘связывать, сплетать’
- **γwäl-* ‘стоять (о засухе, жаре)’
- **guda-* ‘бурдюк, сумма’
- **dīqa-* ‘глина, почва’
- **txaz-*: *txz-* ‘сплетать, сочинять’
- **lip-* ‘мазать(ся); лепить’
- **sxal-*: *sxl-* ‘срывать(ся) с места’
- **suš-* ‘иссушать, сохнуть’
- **prut-*: *prt(w)-* ‘фыркать (о лошади)’

Позднейший пласт “доисторических” картвельских индоевропейцев также содержит немало индоарийских заимствований достаточно ранней эпохи.

Представим список весьма вероятных сопоставлений:

груз. <i>ačva</i> ‘лошадка’	др.-инд. <i>áçva</i> ‘лошадь’
груз. <i>dag-</i> ‘жечь (каленым)’	др.-инд. <i>dah-</i> , <i>dahati</i> ‘жечь, гореть’
мегр. <i>rdo</i> ‘время, срок’	др.-инд. <i>rtú-h</i> ‘время, период; порядок’
груз., занск., сван. <i>krox-</i> , <i>krux-</i> ‘насадка’	др.-инд. <i>kraka-</i> ‘петух; курица’
мегр. <i>reka</i> ‘галечник’	др.-инд. <i>rekā-h</i> ‘вынос, (речной) нанос’
груз., мегр., сван. <i>saraza</i> ‘пчелиные соты’	др.-инд. <i>sāraghá-</i> ‘получаемый от пчелы; мед; пчелиный’, <i>saraghā</i> ‘пчела’
груз., мегр. <i>sila</i> ‘песок’	др.-инд. <i>cīlā</i> ‘камень, осколок скалы’
груз. <i>srute</i> ‘протока, пролив’	др.-инд. <i>srut</i> , <i>sruti</i> ‘текущий, исток’
груз. <i>trp-</i> ‘наслаждаться, удовлетворяться’	др.-инд. <i>trputi</i> ‘насыщается, получает удовольствие’
груз. <i>/pard-/</i> : <i>prd-</i> ‘продавать, торговать’	индо-иран. * <i>para-da-</i> ‘передавать, отдавать’
груз., мегр., лаз. <i>parto</i> ‘широкий’	др.-инд. <i>prthú-</i> ‘широкий’
груз. <i>prta</i> ‘крыло, перо’	др.-инд. <i>pattra-</i> ‘крыло, перо’
сван. <i>wase</i> ‘нутряное сало’	др.-инд. <i>váça</i> ‘растопленный жир’

Индоарийские формы:

- индо-иран. **bandh/-* ‘связывать’
- др.-инд. *bandh-* ‘связывать’
- др.-инд. *jval-atí* ‘пылает, горит’
- др.-инд. *gudá-h* (*gudám*) ‘прямая кишка’
- др.-инд. *deha-* ‘тело, глинообитная стена’
- др.-инд. *takṣ-atí* ‘отесывает, обрабатывает дерево; создает’
- индоар. **lip-* ‘мазать, намазывать’
- др.-инд. *skhal-ate* ‘оступается, спотыкается’
- др.-инд. *çuś-*, *çuśyatí* ‘сохнет, вяннет’
- др.-инд. *proth-atí* ‘фыркает (о лошади)’

Как следует из вышеприведенного языкового материала¹⁸, картвельские языки на протяжении длительного времени контактировали с индо-иранским в доисторический период, а наибольшее число

заемствованной лексики картвельских языков происходит из неких индоарийских диалектов.

Анализ синдо-меотских языковых реликтов позволяет прийти к заключению о принадлежности этого языка к флексивному типу с характерной полифункциональностью грамматических морфем, наличием фузии, фонетически не обусловленными изменениями корня.

Насколько позволяет судить реликтовый синдо-меотский материал в греческой и латинской передачах, звуковой строй меотского языка напоминал древнеиндийский с некоторыми специфическими ареальными чертами.

Синдо-меотским звукам соответствуют следующие древнеиндийские:

$*b = b, bh;$	$*c = c, ch;$	$*m = m, \eta;$
$*d = d, \dot{d}, dh;$	$*\dot{z} = j, jh, g, gh, h;$	$*n = n, \eta, \acute{\eta};$
$*g = g, gh, h;$	$*s = s, \dot{s};$	$*l = l, \acute{l}, r;$
$*p = p, ph;$	$*\dot{s} = c, \dot{c};$	$*r = r, \dot{r}, \acute{r};$
$*t/\dot{t}h = t, \dot{t}, th;$		$*i = y;$
$*k/kh = k, kh;$		$*v = \nu.$

Особо отметим отсутствие псилозы, отсутствие придыхательности у звонких согласных, слабую придыхательность глухих смычных (колебания в текстах k/kh, t/th; но $*p$, видимо, без придыхания), слабую артикуляцию $*v$, артикуляцию аффрикат типа ч-ц, дж-дз ($*\dot{s}$, $*\dot{z}$).

Гласные звуки также имеют соответствия в др.-инд.: $*a/o = a, \bar{a}$; $*u/o = u, \bar{u}$; $*i/e = i, \bar{i}$; отметим отсутствие различия долгих и кратких фонем, тенденцию более широкого образования этимологически узких $*i$, $*u$ в виде $*e$, $*o$.

Характерной специфической чертой меотского языка является его система аблauta, которая выявляется при сопоставлении с древнеиндийской: первой ступени др.-инд. аблauta соответствует вторая или третья синдо-меотского, а второй ступени др.-инд. аблauta определенно соответствует первая или третья синдо-меотского.

Др.-инд.	Синдо-меот.	Др.-инд.	Синдо-меот.
-a-	$*-i-$	-i-/-ai-	$*-o-$
-e-	$*-ai-$	-i-: <i>biti</i>	$*-ia-: bitia$
-ai-	$*-i-$	-u-	$*-va-$
-o-: <i>somaka</i>	$*-au-: saumaka$	-ar-	$*-ar-, -ir-, -ur-$
-au-	$*-u-$	-ra-	$*-r-, -ra-$
-ya-	$*-i-$	-al-	$*-li-, -al-$
-va-	$*-u-$	-am-	$*-a-$
-i-, -a-	$*-a-$	-an-	$*-a-$
-i-/ai-	$*-e-$	-a-	$*-am-, -um-$
		-a-: <i>pathi</i>	$*-an-: panti$

“Оканье” и широкие варианты узких гласных несколько затемняет общую картину аблautных соответствий. Вариативность первой-второй и второй-третьей ступеней аблautа в этимологически тождественных корнях можно приписать диалектным различиям в пределах синдо-меотского языка.

Словообразовательные и словоизменительные морфемы немногочисленны, но весьма показательны:

Флексии:

- *-a- ‘собирательной множественности’
- *-i- ‘притяжательности’

Предфикс:

- *abi- , *obi- ‘к, против’, ср. др.-инд.
abhi-
- *ake- , *aki*- ‘по соседству, по близости, вблизи’
- **ap(a)*- ‘от, прочь, удаление от’
- *para- ‘прочь’
- *pari- ‘вокруг, около’
- *(*u*)*p(a)*- ‘наверх, наружу, под, рядом’
- *pi- ‘вниз, внутрь’
- *au-lo- ‘у, близь’
- *vina- ‘без-’, депривативный префикс
- *asam- ‘отрицание признака или качества’
- *ard-/*ardin*- ‘пол-, полу-’

Суффиксы:

- *-*ak(a)*- ‘именной, деятеля’
- *-*ik(a)*- ‘именной, прилагательного’
- *-*in(a)*- ‘именной, прилагательного и деятеля’
- *-*t(h)ar*- ‘именной, деятеля, творца’
- *ia- ‘именной, прилагательного’
- *-*t(h)r(a)*- ‘именной, орудия и места’
- *-*t(h)av(i)a*- ‘именной, прилаг. ж. рода’
- *-*i*- ‘именной, женского рода’
- *-*t(h)i*- ‘именной, женского рода’
- *-*an(a)*- ‘отыменных прилагательных’
- *-*a/it(h)a*- ‘отыменный, собирательной множественности’
- *-*vat/-hat/-mat*- ‘именной, принадлежности’
- *-*ta*- ‘принадлежности, притяжательности’

В реликтовом ономастическом материале замечен типично индоарийский расширитель основ *-p-* (*us-pa-).

Уместно также высказать предположение о сложном характере распространенного в этнонимии суффиксального комплекса *-mata* (*Σαυρομάται*, *Συρμάται*, *Σαρμάται*, *Ἵεομάται*, *Ἱαξαμάται*), состоящего из суффикса притяжательности *ta- и показателя собирательной множественности *-*ta* (из суффикса *-*t*- и флексии *-*a*). Этот комплекс не тождественен суффиксу *-*vat*-, соответствующему др.-инд. *-vat*-, *-vant*-, а имеет ареальную природу.

Отметим также отсутствие в реликтовом языковом материале следов др.-инд. расширителя основ *-tva*. Это явление определяет характер передачи синдо-меотских рефлексов с иными оформителями, соответствующими древнеиндийским.

В частности, широкое распространение (под влиянием праосетинского?) получил именной показатель собирательной множественности *-ta* (*solata*).

Скудность языкового материала не позволяет сделать заключения по поводу парадигм словоизменения, структур малого и большого синтаксиса. Случай словосложения позволяют реконструировать модель “определение + определяемое” с соединительным гласным (*su-varna; **tur-(a)-amba*; *mai-a-sara).

Возвращаясь к лексике синдо-меотских диалектов, отметим ее преобладающую онимическую природу. Большая часть словоформ дошла в греческой и латинской передаче туземной ономастики. Незначительное количество слов, некогда заимствованных в черкесский и осетинский языки, отражают преимущественно appellативный слой лексики семантического поля “хозяйственно-бытовая лексика”.

Приведенного выше материала достаточно для вывода о родстве синдомеотских и индийских языков в генетическом плане. Остаются слабо исследованными проблемы типологической ориентации синдо-меотского языка и особенностей его ареальных характеристик.

Каковы же мифологические соответствия синдо-меотскому глоттогенезу? Мы усматриваем предков синдо-меотов в мифологических героях Пандавах, которые после победы на поле Курукштре (знаменитый могильник Триалети в Грузии?) и царствования в Айодхе (Арапха?), ушли в Заснеженные горы. Греческое мифологическое соответствие предкам синдо-меотов – племя гениохов (“возвни”), происходившее от двух аргонавтов, возниц Диоскуров. Датируются эти мифологические события первой третью второго тыс. до н.э., ближе к XVIII в. до н.э.

Завершая рассмотрение Северокавказского ареала индоарийских языков древности, мы подошли к временам историческим. Уместно было бы здесь же уделить некоторое внимание малоизвестному историческому явлению – синдо-меотским языкам и их носителям.

Синдо-меотские языки – ныне мертвые языки этносов античного Прикубанья, Приазовья и Низовий Дона, бытовавшие с конца второго тыс. до н.э. по III в. н.э. в указанном регионе, а с середины III в. н.э. по XV в. – на Таврическом полуострове. Эти реликтовые языки попали в поле зрения античных писателей и науки нового времени.

Общего названия этноса-носителя этих языков, по-видимому, не существовало. Европейская наука оперирует этнонимом “меотский” в приложении к племенам синдов, дандариев, торетов, агров, аррехов, тарпетов, обидиакенов, ситтакенов, досков, аспургиан, иксоматов, псессов, фатеев, койтеев, тюкандинов, псеханов и некоторых других по традиции, восходящей к античным авторам и этнической номенклатуре, зафиксированной в эпиграфике Боспорского царства¹⁹.

Однако, ввиду несомненного негреческого характера этнонимов *Майтас*, *Майтаси*, *Майтас* можно предположить существование некоего самоназвания, отражающего осознание родственности и культурной общности вышеперечисленных племен, аналогично постепенно утвердившемуся этнониму “эллины” в среде древнегреческих племен.

Сам этноним *Майтас*, возможно, связан этимологически с наименованием переднеазиатского политического образования середины II тыс. до н.э. *Maitanni, Mitan(n)i*. Эти формы суть гибридные имсна, в которых некая основа **maita-*: **mita-* оформлена хурритским суффиксом *-nni*.

Др.-греч. формы *Майтас*, *Майтаси* образованы по законам греческих этнонимов от названия Азовского моря *Майтис*, -ιδος, отражавшего индоар. форму **maia-vati* ‘относящийся к Майе’.

Едва ли этноним *Майтас* осознавался как самоназвание всей совокупности племен ввиду их разных исторических судеб, стадий культурного развития и государственной принадлежности. Не случайно, поэтому, и существование помимо обобщающего “все меоты” отдельных племенных этнонимов, большинство из которых имеют вид самоназваний. Эти различные племенные самоназвания, фигурирующие в эпиграфических и исторических свидетельствах, отражали племенные формы самосознания.

Античный ареал меотского языка можно обозначить как Кубано-Приазовский. Его диалектное членение, вероятно, соответствовало этническим подразделениям (племенам), оставившим локальные группы меотских археологических памятников.

Древнейшими надо признать наименее известные диалекты племен, обитавших по долинам рек Уруп, Фарс и Белая. Из них, вероятно, происходят индоарийские заимствования в черкесском и осетинском языках.

На рубеже эр в дельте Дона образовался островной меотский диалект (иксоматский).

Характерными ареальными чертами меотского языка является утрата оппозиций звонких и звонких придыхательных, глухих и глухих придыхательных согласных, отсутствие церебральных согласных, преобладание I и III ступеней аблauta, тенденция к фрикативизации глухих смычных согласных как продолжение тенденции к развитию придыхательности (**k > *kh > *x*).

Языковые и культурные контакты меотов могут быть прослежены с трудом и очерчены пунктиром из-за явной недостаточности имеющегося языкового материала.

В западном направлении (Тамань, Приазовье, Дон) носители меотских диалектов активно контактировали с населением Боспора Киммерийского, издавна гетерогенным, оставившим субстратно-адстратные следы в синской и меотской ономастике.

Можно выделить субстраты нескольких типов: праармянского типа *Nypanis*, *Tanais*, “скифо-фракийского” типа Гάργαζα, Παιρισάδης, Ραδαμισάδης, Θαγμασάδης, Σπάρτοκος, Ροιμετάλκος, Σάτυρος, Κότις, Κομοσαρύη, Νοτισαρύη, Μαδύης, греческого типа Κῆποι, Φαναγορία, Έρμονάσσα, Γοργίπλια etc.

Немаловажную роль сыграла эллинизация части меотских племен боспорскими греками. Особенно сильному воздействию грекоримской цивилизации подверглись синды, фатеи и йаксаматы, долго входившие в состав Боспорского царства.

Подонье меоты активно контактировали с соседними сармато-аланскими племенами, о чем свидетельствует большое число праосетинских по происхождению имен в эпиграфике Танаиса. Соседство и симбиоз меотов и сарматов в Прикубанье уже упоминалось. Они стали источником индоарийских лексических проникновений в осетинском языке.

С первых веков н.э. на Кавказском хребте появляются и поселения черкесских племен. Некоторые из них попали в поле зрения античных географов – имена двух городов на Кавказском хребте II века Ἄβούνις и Νασούνια, похоже, содержат адыгское слово **un-* (унэ) ‘дом’ и могут быть истолкованы как ‘дом Абы’ и ‘дом Насы’. Наглядным подтверждением языковых контактов меотов с черкесами служат вышеупомянутые индоарийские заимствования в абхазско-адыгских языках.

Синдо-меотские языки в целом следует отнести к бесписьменным языкам, хотя синды и танайты (иксуматы) могли освоить греческое письмо в процессе симбиоза с эллинами. Связных надписей (текстов) синдо-меотского языка пока не обнаружено. Весь комплекс меотийских реликтов существует либо в виде заимствований в других языках, либо в виде лексических вкраплений в древнегреческих текстах (ономастика, гlossen).

Исследователи, впрочем, отмечают известную степень адаптации греческого письма к передаче туземной меотской ономастики. Поэтому нельзя полностью исключать возможности обнаружения в будущем связных эпиграфических текстов на синдо-меотских языках.

Подавляющее большинство меотских языковых реликтов может быть отнесено к индоарийской подгруппе индо-ирано-дардо-кафирской группы индоевропейской семьи.

Попав в северо-западное Предкавказье из Закавказья и передней Азии, предки меотов длительное время проживали достаточно изолированно в высокогорных речных долинах, контактируя лишь спорадически с соседними племенами Кобанской археологической культуры (праосетинами?), проживавшими в верховьях рек Кяфара, Тиберды и Кубани, а также племенами Закавказья (Колхиды).

По мере расширения ареала меотских диалектов, их носители пришли в соприкосновение с догреческим населением Боспора и древнегреческими колониальными диалектами Фанагории, Гермонассы, Кеп, Горгипии.

В областях Кавказского хребта соседями меотов стали носители абхазско-адыгских (черкесских) языков.

В VII–VI вв. до н.э. по стране меотов прокатились волны киммерийских и скифских миграций. С IV в. до н.э. по III в. н.э. меотийские племена относительно мирно уживались в прикубанских селениях с кочевниками закубанских степей – сираками и сарматами (предположительно восточно-иранскими по языку).

В III в. н.э. меоты вступили в прямой контакт с носителями германских диалектов (готами-тетракситами) и, составив с ними военно-племенной союз утигуров, более тысячелетия селились чересполосно с ними и аланами на Таврическом полуострове.

К сожалению, точная локализация расселения многих меотских племен на данном этапе их изучения еще не возможна. Известно лишь, что синды расселялись на Тамани и в окрестностях Анапы. Далее по берегу Черного моря следовали территории иксиватов, торетов, тарпетов, керкетов, агров. В долине реки Кубань от низовий к верховьям обитали дандарии, фатеи, пессесы, досхи, аррехи, обидиакены и др. меотские племена. По нижнему течению реки Кирпили, вероятно, селились ситакены, а на островах Донских устий – иксоматы (йаксаматы).

Судя по результатам археологических и исторических изысканий²⁰, с меотскими племенами сопрягаемы в первую очередь Таманская, Причерноморская, Приазовская, Абинская, Кирпильская и Донская локальные группы так называемых “меотских памятников”, относящихся к более поздним этапам меотской археологической культуры. Синхронные им, а главное, явно предшествующие им памятникиproto- и раннемеотских периодов (800–400 гг. до н.э. сосредоточены преимущественно в высоких предгорьях западного Кавказа, в долинах горных рек Урупа, Лабы, Фарса и Белой.

Именно там, на путях и горных перевалах, ведущих из Закавказья, складывался, по мнению археологов, меотский культурный комплекс (ядро меотской археологической культуры), распространяясь постепенно в среднее течение Кубани, а затем уж к ее низовьям и в приморские области. Давно уже замечена связь и явная зависимость комплексов Кобанской (праосетинской?) и меотской археологической культуры с комплексами Закавказья и Лурестана (Иранского Нагорья). Там, как полагают, и скрыты истоки генезиса северокавказских культур конца бронзового – начала железного века²¹.

Палеоантропологические определения на материалах меотских могильников позволяют отнести меотов к южной группе европеоидной расы.

Основой хозяйства меотов являлось земледелие. А в IV–III веках до н.э. меоты производили львиную долю боспорского хлебного экспорта. В зависимости от местности меотские племена относились к хозяйственно-культурным типам горных ручных земледельцев (**gaipaka-*) и скотоводов горной зоны (**avinda-*), скотоводов горной зоны и пашенных земледельцев (**krsti-*) поймы Кубани.

Они возделывали знаменитую в античном мире легкую пшеницу, ячмень (**java-*), рожь, полбу, просо, чечевицу, коноплю (**śana-*) и лен. В употреблении были серпы (**srni-*) и зернотерки (**girau-*, **saikati-*).

Второе место в хозяйстве меотов принадлежало скотоводству. Ими разводился крупный рогатый скот (**go-*, **gav-*), кони (**aśva-*), овцы (**avi-*), козы (**aśa-*, **caga-*) и свиньи (**saukara-*, **sūkara-*). Верховой конь имел особое ритуально-сакральное значение и являлся одновременно мерилом богатства и социального статуса.

Широко было распространено рыболовство (**khapha-*). При помощи плетеных сетей и неводов (**kata-*) с грузилами, рыболовных крючков ловили сома (**makhara-*), севрюгу, белугу, осетра (**anta-kaiā-*), судака, сазана и стерлядь. Товарная рыбозаготовка осуществлялась в специальных рыбозасолочных приспособлениях. Античный мир высоко ценил рыбопродукты, икру (**khapha-jar-*), произведенные на Боспоре и в Меотиде.

Охота занимала подсобное место в деле заготовки продуктов питания (**śaśa-*, **gansa-*, **sukara-*). Примитивное пчеловодство также было известно меотам (**madu-*, **saraga-*, **saraźa-*).

Высокого развития достигло ремесло (**taksan*, **taksaka-*) меотов. Производство серо-глиняной керамики (**kaba-*, **kalaśa-*) было направлено не только на внутренний, но и на внешний рынок. Широко экспортировались и изделия меотской металлургии (**aśas*, **aśah*, **vasi-*, **raźuna-*, **śibri-*), особенно зеркала-подвески и фибулы. При этом меоты работали полностью на привозном сырье (импорт с территории Кобанской археологической культуры).

Торговля велась меотами в трех основных направлениях – с Боспорским царством, с Кавказом и со Степью. В греческие города Боспора поступали с Меотиды зерно, продукты животноводства и рыболовства в обмен на тонкую лаковую посуду, стекло, ювелирные изделия, украшения (бусы, перстни-печатки, зеркала), вина, благовония и ткани (**vanitika-*).

С кавказскими племенами велся обмен зерном на металлургическое сырье. В сарматские степи поставлялись зерно, керамика и металлические изделия в обмен на продукты скотоводства.

В социальном плане меотские племена находились на разных стадиях развития. В то время как отдельные племена находились на средней ступени варварства, другие переходили с высшей ступени варварства к цивилизации.

По мнению некоторых исследователей, синды перешли к ранней цивилизации и государственности еще до включения их царства в состав Боспора. С IV в. до н.э. западные меотские племена были вовлечены в сферу боспорской эллинистической цивилизации.

У границ Боспора все время происходили передвижения меотских племен, отчасти планируемые боспорскими царями, отчасти – в результате столкновений, восстаний и вредоносных действий соседних племен.

Так, после трехсотлетнего проживания на реке Кирпили на рубеже эр меоты были переселены оттуда в дельту Дона. Письменные источники сообщают о двукратном переселении племени йаксаматов.

Неясны и обстоятельства исчезновения меотов из Прикубанья и Приазовья в III в. н.э. Похоже, процесс этот был постепенным – в начале III в. исчезло население Краснодарской и Усть-Лабинской групп меотской археологической культуры, достигшее к тому времени значительного экономического и культурного развития (не они ли основали крепость Сугдайя в 212 г. н.э.?). Приазовские группы меотской археологической культуры также исчезли раньше середины III в. В середине III в. прекращается жизнь на поселениях Ладожской группы, что связывают с готским нашествием.

Большая часть меотских племен переселилась вместе с готами и алланами в предгорную и южнобережную Таврику (последняя треть или четверть III в. н.э.), где и сохраняла свою языковую и этническую самость до периода развитого Средневековья.

Во времена Золотой орды и Османской империи реликтовые индоарийские этносы всего Циркумпонтийского региона были постепенно ассимилированы (татар. “курбет”) или уничтожены. Некоторая часть их вошла в состав этнической общности украинских цыган (татар. “чингене”). Однако очень долгое время реликтовая индоарийская ономастика сохранялась в Приазовье и Крыму, дожив mestами до XVIII–XIX вв.

Переходя к рассмотрению комплекса семиотических систем меотских этносов, отметим некоторые особенности их народной архитектуры и погребальной обрядности.

Меотские погребения состоят из грунтовых могил южной ориентации. Трупоположение – вытянутое на спине. Сопровождающий инвентарь – разнообразных видов сосуды с напутственной пищей (иногда миска подкладывалась под голову погребенного), орудия труда и оружие. Некоторые могилы сопровождались захоронением верхового коня со сбруей.

Саманно-камышовая народная архитектура сводилась к простым, подквадратным в плане, со скругленными углами, жилым постройкам (**aika-*, **matha-*).

Стены имели небольшой наклон внутрь помещений. Пол был обычно глинобитный, стены имели в основе камышовые щиты (**kata-*), плоскости которых скреплялись горизонтальными пучками камыша, а основания укреплялись в специальных канавках. Затем камышовый остов стен обмазывался глиной. Крышу (**sālā-*) накрывали также камышом и кугой, выпуская ее над стенами в виде стрехи.

В центре помещения устраивался открытый очаг – углубление, ограниченное глинобитным бортиком. У задней стены жилища иногда устраивалась большая хлебопекарная печь, сложенная из сырцовых кирпичей. Около очага находилась неглубокая яма для ссыпки золы. Вдоль стен тянулись глинобитные лежанки. Окон, судя по всему, не было.

Отметим огромную роль, которую играли в быту меотов камыш, тростник и куга (**danda-*, **iksu-*;ср. онимы типа 'Еξομάται, Δανδάκη, Δανδάριοι – ‘камышевые арии’), а также особо заботливое отношение к очагу и золе (**tapa-*).

Северное Причерноморье (Scythia Taurica)

Исследованного прежде индоарийского ономастического материала из Скифии и Таврики достаточно, чтобы усомниться в представлении о преобладающей ираноязычности скифов и поставить вопрос о времени и обстоятельствах проникновения на указанную территорию носителей индоарийских диалектов.

Особую проблему представляют лексические проникновения и заимствования из индоарийских диалектов в финно-угорских языках. Традиционные научные схемы этнолингвистических характеристик скифской историко-культурной общности не учитывали ряд показательных примеров, не укладывавшихся в рамки праиранского и восточно-иранского языкового состояния²².

Считается, что часть заимствований не имеет особых признаков для определения того, когда и из каких индоиранских диалектных групп восприняты данные слова в финно-угорских. Эта часть арийских языковых проникновений в финно-угорских языках и являлась шатким основанием для постулата о Северно-причерноморской прародине всех арийских языков.

На проверку оказывается, что все эти лексические проникновения относятся к вполне оформленвшимся либо индоарийским, либо иранским диалектам.

Некоторые из ранних заимствований в финно-угорские языки можно определенно выводить из индоарийских диалектов по фонетическим признакам²³:

фин.-ург. **aiva* ‘только’ ближе к индоар. **aiva* > др. инд. *eva* ‘так, еда, только, еще, именно’;

фин.-угр. **säptä* ‘семь’ восходит к индоар. **sapta*, а не к общеиран. **hapta* > **hafta*;

волж.-фин. **sasar* ‘младшая сестра, двоюродная сестра, племянница’ ближе к индоар. **svasar*, нежели к общеиран. **hvahar* ‘сестра’;

фин.-угр. **s'asra*: **sasra* ‘тысяча’ восходит к диал. индоар. числительному *(sa)-žasra*, близкородственному др.-инд. *sa-hasra(m)*, или представляет собой результат стяжения индоар. праформы **sa[h]asra-* (ср. авест. *hazangrəm* < **hazahra-m*);

фин.-угр. **s'ata* ‘сто’ ближе к индоар. *çata-*, нежели к общеиранск. **sata-* ‘сто’;

фин.-угр. **s'uка* ‘ость, щетина’ восходит к индоар. *çuka-* ‘ость злаков, жало’;

манс. *sor*, уdm. *sur* ‘пиво’ восходит к индоар. **suri-* ‘хмельной напиток’ (ср. др. инд. *sūra* ‘сома, стекающий с пресса’ и авест. *hura*, пехл. *hur*);

морд. эрзя *sed'* ‘мост’ толкуется из др.-инд. *sétu-* ‘плотина, дамба, мост’ (индоарийск. **saitu-*, но ираноарийск. **haitu-*);

perm. **med* ‘плата’ ближе др.-инд. *modha-* ‘добыча, вознаграждение’, нежели к иран. *mizda-* ‘плата’; особенности отражения вокализма корня позволяют предполагать относительно позднее время заимствования (после перехода реликтового **mauda-* в **mod-*);

фин.-угр. **tarna* ‘трава, осока, сено’ сопоставимо с др.-инд. *trńā-* ‘трава, стебель, соломинка, солома’;

венг. *gyantár*, *gyanta* ‘янтарь’ восходит к индоар. **yan-t[a]r-* ‘имя деятеля или орудия’ (от глагольного корня *yam-* ‘держать, сдерживать, соединять’), ср. др.-инд. *yantar* ‘возница’, *yantram* ‘запор, связь’.

Обозрев приведенные лексические примеры, можно заметить, что засвидетельствованные заимствования из арийских языков в финно-угорских дают примеры с *s* в самых разных позициях, в которых в общеиранском оно должно было переходить в *h* (в анлауте перед гласным, в группе *sv-*, в интервокальной позиции, перед *r*, в исходе слова – окончание *-as?*). Особое отражение (*s'*) получают палатализованные смычные *j* и *ç*.

В балтийских и восточнославянских языках выявлено достаточно раннее заимствование из индоарийского субстрата Северного Причерноморья, а именно, название янтаря. Русское слово янтарь (стар. *ентарь*), лит. *jentaras*, (литер.) *gintaras*, лтш. *dzintars* восходят к арийск. **yantar*, имени деятеля или орудия от глагольного корня *yam-* ‘держать, сдерживать, соединять’, ср. др.-инд. *yantar-* ‘возница’, *yantram* ‘запор, связь’.

Название объясняется магнитным свойством янтаря. Уместно напомнить читателю о том, что некогда добыча янтаря велась в Северном Причерноморье (так наз. Днепровская янтареносная провинция).

Праслав. **sъrebro* и прагерм. **silbr-*, обозначающие серебро, берут начало в индоар. **śi[r]br[i]-* (ср. др.-инд. *śubhra-* ‘красивый, светлый’), отмеченном в реликторской ономастике Прикубанья (ср. *Śubrála*, ’Евріáла ‘светлая вода’)²⁴.

Индоарийские заимствования в восточнославянских языках случались и позднее. К примеру *Карна* в строке “За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пла-мянѣ розѣ” (Слово о полку Игореве)²⁵ толкуется из др.-инд. *kārūna* ‘жалкий, плачевный, грустный, печальный’.

Все выше изложенное позволяет утверждать, что носители индоарийских диалектов, расселяясь с промежуточной прародины на Ближнем Востоке и в Закавказье, обитали на обширных Северо-причерноморских территориях, где контактировали с прафинно-ургами, славянами и балтами лесной и лесостепной полос Восточной Европы вплоть до Карпат и Урала.

Подунавье (Getica)

Наконец, существует древний Придунайский ареал реликтов индоарийских идиом, чему подтверждением служит наличие древней индоарийской ономастики в исторических областях Добруджа, Мунтень, Бессарабия.

Здесь уместно вспомнить, прежде всего, странный этноним *Σιγύννοι*, известный еще Геродоту, – так отец истории обозначил кочевое племя за Истром, живущее в повозках, переезжающее с места на место на низкорослых лошадках, имеющее одежду и обычаи мидийские и само себя считающее переселенцами из страны мидийцев.

Этноним *Σιγύννοι* практически неотделим от совр. нем. *Zigeuner*, слав. *цыгане* (**sygane*), турец. *cingene* и является древним аллоэтнонимом цыган. Самоназвание этноса – *romale* ‘люди, люди’ и *kale*, *millele* ‘черные, цвета сажи; черномазые’.

Название жителей нижнего течения Дуная *Граижъюи* толкуется как суффиксальное производное (-*k*-) от индоар. падеж. формы *girau* ‘на горе’.

Название притока Дуная *Hornad* в Словакии толкуется как **Gъrnadъ* ‘горная река’, ср. др.-инд. *giri-nadi* то же.

Карпатский топоним *Himra* толкуется из индоар. *netra-* ‘руководство, управление; глаз’.

Личное имя собственное *Σιρδουχάνασος* *Βουτουνάτος* (г. Варна, III в. н.э.) сопоставимо с др.-инд. *srdhú-* ‘подех, сердитый’, *haṇsá-* ‘лебедь, гуси’, *haṇsá-* ‘гусь, лебедь, фламинго’. Второе имя также трактуется из др.-инд. *büt̄ha-nātha-* ‘повелитель духов, демонов’.

Вошедшие во многие европейские языки наименование рыбной икры нем. *der Kavier*, франц. *le caviar*, исп. *el caviar*, англ. *caviar*, *caviare* восходит к цыг. *hav* ‘рыба’ и *uaro* ‘яйца, икринки’. Примечательно, что областью активного производства этого продукта издавна были Приазовские побережья и Подонье. Эта изоглосса неожиданно пронизывает все три ареала индоарийской речи в Северном Причерноморье.

Кроме того, древними соседями индоарииев и туранцев в Подунавье некогда были родственники современных кельтских народов. Это соседство обыкновенно относят к I тыс. до н.э.

Особый интерес в этой связи представляют некоторые кельто-индоиранные лексические схождения (заимствованные слова из индоиранных языков?). Тот же источник имеют и некоторые падежные суффиксы и предлоги.

Ниже представлены наиболее очевидные кельто-индоиранные изоглоссы:

Кельтские формы:

- inge* (+Acc.) ‘за исключением’
- anaid, anid* ‘остается’
- anocht* ‘ошибка’
- **esjo-*
- dron* (**drunas, drunos*) ‘твёрдый’
- dau, dou-* ‘два’
- *-*bi* (Dat. Pl.), -*ebo*
- *eisom
- **coxos, coss, coes* ‘колено, нога’
- crenaid; prunu* ‘покупать’
- cruiim, cruimther; pruf, precv* ‘червь’
- setid, seididh; chwythu* ‘бормотать’
- co: cw, cwd* ‘где’
- magus, mag, maez, maes* ‘поле’
- moind, monadh, mynydd, meneth, menez* ‘холм, гора, возвышенность’
- nau* (f. a-stem) ‘судно’
- roth* (m. o-stem) ‘колесо’
- sruth* (u-stem); *ssrwd* ‘поток’
- thes* (2 sg.)

Индоиранные формы:

- anga* ‘только что’
- aniti* ‘дышет’
- anukta-* ‘несказанный’
- asya-, asyah*
- dārunā-* ‘твёрдый, прочный’
- dvau* ‘два’
- ebhīh* (Instr.)
- esam*
- kakṣah* ‘подмышка’
- krinati* ‘покупает’
- krmih* ‘червь’
- kṣvedati* ‘бормотать, скрипеть’
- ku, kuha* ‘где’
- mah* ‘великий’, *mahi* ‘земля’
- авест. *mati* (из **myti-*) ‘горная вершина’
- nauh, navah* ‘корабль’
- rathah, raθa* ‘колесница’
- srutah* ‘текущее’
- thah* (2 sg.)

Прочие примеры языковых схождений кельтских и индоиранных языков перечислены в фундаментальном труде Турнейсена²⁶ и этимологическом словаре древнеирландского языка²⁷.

Давно спорят филологи о происхождении древнеирландского юридического термина *aire* (свободное благородное сословие). Некоторым видится и здесь индоиранный источник типа слова *aya*²⁸.

Эти языковые свидетельства позволяют предположить древнее

соседство и контактирование носителей (некоторых) кельтских и индоиранских диалектов в смежных ареалах (Малая Скифия?) на нижнем Дунае и в Прикарпатье.

Одна фонетическая изоглосса ареального характера связывает древнеирландский и карпатский языковые ареалы: аналогичная дифтонгизация этимологических долгих $*e > ea/ia$, $*o > oa/ua$ в древнеирландском и дакороманском. Это языковое явление также может служить косвенным указанием на исходный ареал некоторых кельтских инноваций.

Затем миграции кельтоязычных племен занесли языковые элементы индоиранского облика далеко на Запад Европы.

Некоторые отличия цыганского языка в области фонетики от прочих индоарийских языков помогают понять переходные языковые состояния этой подгруппы и некоторые фонетические особенности синдо-меотских звуков. Цыганскому языку присущи такие явления:

- 1) оглушения звонких аспират $kh < *gh$; $th < *dh$; $ph < *bh$;
- 2) ослабленная аспирация согласных $c < *c$, ch ; $t < *t$, th ; $b < *bh$;
- 3) отсутствие церебральных согласных $r < *t$, d , dh ; $st < *st$.

(Ср. фонетические особенности синдо-меотских диалектов на с. 207).

В области морфологии развились древние традиции:

- 1) замена именной флексии агглютинацией,
- 2) сохранение косвенной основы и прямого падежа имени,
- 3) отсутствие форм винительного и местного падежа у неодушевленных имен.

В целом уже давно известно, что ареалом формирования и развития цыганских диалектов был обширный балканский языковой союз²⁹. Это соображение особо важно для опровержения широко распространенного мнения о происхождении цыганского этноса и языка из областей северо-западного и центрального Индостана³⁰.

Цыгане, сохранившие невероятно архаичный быт и уклад времён странствий телицы Ио, являются одним из древнейших наследников именно Европы, особенно ее Придунайских областей, хранителями и передатчиками многотысячелетней индоевропейской традиции.

Завершая обзор трех восточноевропейских ареалов индоарийских диалектов – Синдо-Меотского, Скифо-Таврического и Сигинго-Гетского, отметим огромную важность их выявления для сравнительно-исторического языкознания и для истории этногенеза всей группы индоарийских языков³¹.

Эти реликтовые индоарийские языковые ареалы свидетельствуют о распаде индоарийско-дардо-кафирской группы и.-е. праязыка вне Индостана и о дальнейшем развитии нескольких индоарийских диалектов вне основного индоарийского ареала в Индии, где ныне проживают потомки родов и племен, родственных меотским, скифским и гетским индоариям (пандавам?).

Примечания

- ¹ *De Saint Martin V. Recherches sur les populations et les plus anciennes traditions du Caucase.* Paris, 1847; *Idem. Études de géographie ancienne et d'ethnographie asiatique.* T. I. Paris, 1850; *Lassen Chr. Indische Altertumskunde.* Bd. I. Geographie, Ethnographie und Älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig, MDCCCLXVII.
- ² *Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // KZ,* 1928; *Idem. Inder am Kuban // Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse.* 80. Jahrgang, 1943, n. I–XV. Wien, 1944.
- ³ Трубачев О.Н. *Indoarica в Северном Причерноморье.* М., 1999.
- ⁴ Джонуа Б.Г., Клинов Г.А. К индоаризму в абхазском языке. Рукопись статьи для журнала *Известия АН СССР. Серия Литературы и Языка*, 1–11.
- ⁵ Шагиров А.К., Дзидзария О.П. К проблеме индоарийских, праиндийских лексических заимствований в северо-кавказских языках // ВЯ. 1985. № 5; Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 1–2. М., 1977; *Он же.* Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков / Отв. ред. В.И. Абаев. М.: Наука, 1989, 154–166.
- ⁶ Погодин А. К вопросу о влиянии и.-е. языков на кавказские // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. IV.
- ⁷ Troubetzkoy N. Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase septentrional // BSLP. T. 22, f. 5. Paris, 1921.
- ⁸ Dumezil G. Caucasicus du Nord-Ouest et parlers scythiques // Annali d’Instituto Orientale di Napoli. Sezione Linguistica. V. Roma, 1963.
- ⁹ Bailey H.W. Excursus Iranocaucasicus // Acta Iranica. Encyclopédie permanent des études iraniennes. 2-me série. Leiden, 1975.
- ¹⁰ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкоznание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889, 107, 159, 176, 208.
- ¹¹ Николаев С.Л., Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатolia. М., 1985, 74–94.
- ¹² Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 112–163, особенно 113–114.
- ¹³ Погодин А. К вопросу о влиянии и.-е. языков на кавказские // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1902. Вып. XXXI. Отд. IV. 52–53.
- ¹⁴ Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков... 154–157.
- ¹⁵ Селимов А.А. Лезгинское обрядовое Пешчапай // Доклады на 3-й Всесоюзной конференции по ономастике Кавказа. Телави, 1983.
- ¹⁶ Knobloch J. Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenezik. 1. Der Sonnenheld; 2. Religiöse Volkskunde der Osseten (Stichwörter zur Volkskunde und Religionsgeschichte aus V.I. Abaevs Historisch-etymologischem Wörterbuch der ossetischen Sprache). Heidelberg, 1991, 72.

- ¹⁷ Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья и comment. Г.А. Стратановского. М., 1994, (кн. 9, гл. 11, 10–11, 14); Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- ²⁰ Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- ²¹ Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992.
- ²² Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986, 5–9.
- ²³ Граптовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.
- ²⁴ Трубачев О.Н. Серебро // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, 95–102.
- ²⁵ Хрестоматия по истории русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 “Рус. яз. и лит.” / Авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990, 165.
- ²⁶ A Grammar of Old Irish by Rudolf Thurneysen. Revised and enlarged edition / Translated from the German by D.A. Binchy and Osborn Bergin. With Supplement. School of Celtic Studies, Dublin Institute for Advanced Studies. Dublin University Press Ltd, 1993. 704 (особенно 664–665).
- ²⁷ Lexique étymologique de l’Irlandais Ancien / Edited by J. Vendryes et al. Dublin & Paris: Dublin Institute for Advanced Studies and Centre National de la Recherche Scientifique [A (1959), B (1981), C (1987), MNOP (1960), RS (1974), TU (1978)].
- ²⁸ Полемику по поводу этимологической связи термина *aire* и индоирнского слова *āgva* см.: Шкунаев С.В. Древнеирландская юридическая терминология. Л.: Наука, 1989, 46–47.
- ²⁹ Основы балканского языкознания. Языки Балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки) // Отв. ред. А.В. Десницкая. Л., 1990, 125–248.
- ³⁰ Герман А.В. Библиография о цыганах. М., 1930; Вентцель Т.В., Черенков Л.Н. Диалекты цыганского языка // Языки Азии и Африки. Т. 1. М., 1976; Miklosich F. Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas. T. 1–12. Wien, 1872–1880; Calvet G. Lexique Tsigane. Paris, 1982; Saley R. Vocabulaire fondamental du Tsigane d’Europe. Paris, 1979.
- ³¹ Елизаренкова Т.Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974; Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание. Пер. с англ. М.: 1977; Языки Азии и Африки. Т. 1. Индоарийские языки. М., 1976; Т. 1, кн. 2. Дардские языки. М., 1978.